

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. Е. ДЕСНИЦКОГО

М. Загряцков

Рост производительных сил России во второй половине XVIII в. вызвал значительные изменения в экономической жизни страны. Началось расслоение деревни: появились крестьяне-фабриканты, владельцы небольших мануфактур, пользовавшиеся наёмным трудом, крестьяне-скупщики, достигавшие иногда высокой степени благосостояния. Известны случаи, когда крепостной в качестве выкупа за своё освобождение платил помещику крупную сумму в 100 тыс. рублей.

Возникла и крупная промышленность, главным образом в форме посессионной мануфактуры, наряду и в противовес которой существовали и дворянская, и купеческая, и крестьянская мануфактуры. Всё большее и большее значение приобретала внешняя торговля.

Благодаря уничтожению при Елизавете Петровне внутренних таможен для развития

внутренней торговли открылся широкий простор.

Новый общественный слой—купечество—превратился в заметную силу в стране. Значительных размеров купеческая прослойка достигла в городе. По данным исследователя XVIII в. профессора Московского университета Дильтея, в Белове, например к концу XVIII в. купечества «по последней ревизии считалось более двух тысяч трёхсот человек, которые производят знатные торги как внутренние, так и к Санкт-петербургскому порту, но по учреждению наместничества считается 791 купец»¹.

Таким образом, под покровом старых пра-

¹ «Собрания нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи. Труды Филиппа Дильтея, обоих прав доктора и профессора». Ч. 1-я. «О тульском наместничестве», стр. 71. 1781.

новых форм начали развиваться отношения и складываться институты нового типа — обнаружился заметный сдвиг к буржуазной монархии. Как указывал В. И. Ленин, в этом направлении самодержавная Россия развивалась в последние три века².

К концу XVIII в. крупная и мелкая буржуазия уже выросла в особый класс, со своими культурными требованиями. Этот класс стал предъявлять неизвестный раньше спрос на литературу. По словам Новикова, «у нас те только книги 3, 4, 5-м изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям (т. е. мещанам. — М. З.) по незнанию их чужеземных языков нравятся... Напротив того, на вкус наших мещан не поповские, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных»³.

Пробуждавшееся к самостоятельной жизни «мещанство» начало проявлять уже интерес к книгам правового и политического содержания. Эта потребность в книгах новой общественной группы получала некоторое удовлетворение в результате разносторонней издательской деятельности Новикова. Но этого было недостаточно. Новый класс, начавший постепенно пробуждаться к политической жизни, искал новые правовые формы, которые гарантировали бы его существование, стремился найти принципиальное обоснование своего политического бытия. На эти запросы дал ответ первый русский учёный-юрист С. Е. Десницкий. Обобщая наблюдения над русской и общеевропейской действительностью, Десницкий пытался открыть закономерность развития государственных форм, показать их связь с экономическими процессами, в частности, со столь дорогим нарождающейся русской буржуазии институтом собственности. Он стремился обосновать требования правовых гарантий права собственности и вообще личных прав граждан в пределах и формах, допускавшихся условиями эпохи.

О жизни Десницкого сохранилось очень мало данных⁴, вплоть до того, что неизвестен год его рождения. Что касается вопроса о его происхождении, то установилось мнение, будто он происходит из духовного звания. Оно основано на том факте, что Десницкий начальное образование получил в Троицкой Лаврской семинарии. На этой точке зрения стоит и современный исследователь Б. И. Сыромятников⁵. Однако, как видно из

списка «сделавшихся впоследствии известными» воспитанников Троицкой Лаврской семинарии, приложенного к работе С. Смирнова, обучение в семинарии не является безусловным доказательством принадлежности к духовному званию: в семинарию набирались учащиеся и из лиц других сословий⁶.

Вопрос о социальной принадлежности Десницкого представляет несомненный интерес при выяснении его общественно-политических взглядов. Поэтому мы на нём и останавливаемся. И нам представляется чрезвычайно интересным указание В. И. Семевского, что Десницкий был «родом из малороссийских — нежинских мещан». Эти сведения почерпнуты автором из послужного списка Десницкого, сохранившегося в «Государственном архиве», XVI, № 168, карт. 14, № 540⁷. Эта ссылка на документальный источник представляется нам решающей. А если Десницкий родом из мещан, т. е. городских обывателей, ставятся естественными и понятными его социально-политические симпатии, его отношение к «коммерческому» (буржуазному, говоря языком нашего времени) периоду в истории человечества, который он именует «несравненно совершеннейшим» (см. ниже).

Далее из биографии Десницкого известно, что он обучался в гимназии Московского университета. В 1759 г. он был произведён из гимназистов в студенты. В Московском университете Десницкий пробыл только год и в 1761 г. был командирован Академией наук в глазговский университет.

Десницкий блестяще окончил глазговский университет, сдал экзамены, защитил диссертацию «De testamentis ordinariis» (28-я книга Пандектов), получил степень доктора прав и почётное звание английского гражданина. В 1767 г. он вернулся в Москву. Здесь, несмотря на полученную им в Глазго учёную степень, он должен был подвергнуться проверочным испытаниям при Московском университете. Десницкий отлично сдал экзамен по праву. Его ответы были особо отмечены экзаминаторами. Он был оставлен преподавателем университета. Его первый курс — «Римское право применительно к русскому».

Мы не имеем определённых сведений о политических воззрениях Десницкого по возвращении его на родину. Есть лишь одно косвенное свидетельство.

В 1769 г. в Москве, на Лобном месте, была сожжена докторская диссертация Н. С. Аничкова «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богодсчитания». Видимо, к изданию был причастен Десницкий. По сообщению митропо-

² См. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 83. 3-е изд.

³ Новиков Н. Предисловие к 4-му изданию «Живописца», с. X—XI. — Цит. у В. Шкловского. Чулков и Левшин, стр. 43. 1933.

⁴ Шевырёв С. История Московского университета. М. 1855; Баршев. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 1-я. М. 1855; Русский биографический словарь. СПб. 1905.

⁵ Сыромятников Б. С. Е. Десницкий — основатель науки русского правоведения. «Известия» АН СССР № 3 за 1945 г., Отделение экономики и права, стр. 33—40.

⁶ Смирнов С. История Троицкой Лаврской семинарии, стр. 519—537. М. 1867. В числе воспитанников семинарии (принадлежавших главным образом к духовному званию) значатся Карабанов, сын майора, Сульфаников, сын лаврского служителя, ремеслом серебряника; Десницкий в списке значится, но об его происхождении ничего не говорится.

⁷ Семевский В., статья в словаре Гранат. Т. XVIII.

лита Евгения⁸, «сочинитель, известный своим благочестием», поручил издание своей диссертации одному товарищу — профессору, прибывшему недавно из Англии, который и включил в неё «много вольнодумных и даже дерзких мыслей». По догадке проф. Коркунова, этим профессором и был Десницкий⁹.

Что это были за дерзкие мысли, сказать трудно. Венгеров, в руках которого был только исправленный экземпляр, изданный позднее и допущенный к защите («Философские рассуждения о начале и произшествии богочислания у разных и особливо невежественных народов»), предполагает, что эти мысли сводились к позитивному объяснению происхождения не только языческой религии, но и религии вообще. Таким образом, автор усомнился в божественном происхождении христианства. Некоторое изменение заголовка книги как будто подтверждает мнение Венгерова¹⁰.

Проф. Е. Бобров, имевший случай слышать первое, сожжённое, и второе, исправленное, издания книги, утверждает, что в последнем — «редчайшем» — издании исчезли только два примечания. В одном из них говорилось о сильном влиянии особенной одежды пастырей на воображение простого народа и об одинаковой греховности пастырей и пасомых. В другом — автор иронизировал над невеждами, утверждавшими, что смерть проф. Римана (убитого, как известно, во время опытов по изучению электричества) последовала от удара молнией по голове, нанесённого ему ангелом¹¹.

Однако проф. Бобров ошибается: между двумя изданиями работы Аничкова имеется разница, и довольно существенная: в самом тексте, хотя того же характера, что и указанные им примечания, а именно на стр. 19 исправленного издания опущена очень существенная часть фразы: «Жрецы, которые кроме как только чтобы

предстоять к алтарю, ничему более не способны, в необыкновенно испещрённой одежде невеждам казались имеющими непосредственное сообщение с богом, хотя в самом деле жрец — такой же грешник, как и тот самый крестьянин, который от невежества только удивляется ему и по своей простоте его обожает». Взятые в разрядку части цитированной фразы исчезли из второго издания, но они так тесно связаны с текстом, что трудно предположить, что они были вставлены другим лицом. Но есть различие между текстом издания, подвергнувшегося сожжению, и исправленным, которое можно отнести за счёт редактора.

В первом издании на последней странице были напечатаны тезисы, которые очень выпукло излагали основные мысли автора и ярче выражали его свободомыслие, чем самый текст работы. Мы приведём первые три тезиса, имеющие наиболее принципиальный характер: «I) Бога в троиче, без окропления, натурально понимать нельзя. II) Противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно. III) Все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей, и потому очые несообразны его сущности и не могут быть доказательными его совершенства».

В этих тезисах свободомыслие выступает чрезвычайно ярко. Здесь бог создаётся по образу и подобию человека. Возможно, что именно тезисы были разработаны и добавлены Десницким, если верить вышеприведённому утверждению, что работа Аничкова подверглась редактированию какого-то приехавшего из Англии профессора.

Но Десницкий был свободомыслящим не только в области религии и философии: он обнаружил и некоторое политическое свободомыслие. Уже в первой лекции, прочитанной в России, он начертил политическую программу, хотя и сформулированную, соответственно духу времени, в терминах естественного права. По словам Десницкого, «натуры глас вопиет (в судах, «где только милость и истина совокуно присутствуют»): отвори всем пути к блаженству, и пушай тот больше преимуществва, чести и достоинства наслаждается в отечестве, котрой больше в оном тягости несёт! Ограничь судью и судимого, да никто из них предписанного им предела не преходит! Утверди права, принадлежащие всякому с первого до последнего! Внемли с кротостию к немощному и обидному и накажи низвержением сильного и попирающего нагло святость прав! Сделай, чтоб всяк в своём грехе достойно и праведно казнён был! Дозволь ходатайствующим с обеих сторон иметь свободной и публичной голос пред судом за судимых, дабы ничто в тайне, но откровенно и посторонним известно судимо было и исходило бы во свет для научения народного»¹².

Десницкий требовал не только справедливого, независимого и гласного суда, но и

⁸ Митрополит Евгений (Евг. Болховитинов), Словарь русских светских писателей. Т. I, стр. 4. М. 1838.

⁹ Коркунов Н. История философии права, стр. 262. 4-е изд. СПб. 1908. Воронцын считает версию об участии Десницкого в работе Аничкова «невероятной» (Воронцын И. История атеизма, стр. 180. Изд. 1-е. Вып. 4-й. М. 1927). Тем не менее, у нас нет никаких оснований не верить сведениям митрополита Евгения, тем более, что они подтверждаются источником, если не современным, то, во всяком случае, могущим опираться на показания живых свидетелей или же сохранившиеся традиции недавнего прошлого. Так, в биографии Аничкова, напечатанной в сборнике «Речи, произн. в торж. собраниях Московского университета», ч. II, 1820, стр. 6, подтверждается, что Аничков «издание сего рассуждения поручил своему другу», включившему в него «некоторые неосторожные и смелые мысли».

¹⁰ Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. Т. I, стр. 573. СПб. 1889.

¹¹ Бобров Е. Дела и люди, стр. 24—25. Юрьев. 1910.

¹² «Слово о прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции». «Речи, произн. в торж. собраниях Московского университета». Т. I, стр. 222—223. 1819.

равноправия, и не только формального, а соответствующего доле каждого в строительстве отчества.

Научно-литературное наследство Десницкого количественно невелико. Всё, что он после себя оставил, — это несколько речей, сказанных по торжественным случаям, «Представление» в Комиссию об уложениях и переводы. Но и это наследство представляет большую ценность и позволяет установить как общее миросозерцание, так и воззрения Десницкого на право¹³.

В своих выступлениях Десницкий касался общих вопросов теории права, права публичного, уголовного и гражданского. В юридической науке он шёл своим путём и намного опередил современных ему учёных-юристов.

Десницкий был глубоко не удовлетворён юридической наукой своего времени. По его мнению, она разменивалась на мелочи и сводилась «к безмерному и беспорядочному множеству законоучительских примечаний, которых прочтение отнимало у всех почти размышление, утомляло рачительную память и в изнеможение присодило всю остроту разума и рассуждения». Но, «к счастью наших времён мужественными и великодушными учёными возвращён и нашей науке надлежащий способ исторический, метафизический и политический, которого употреблением всяк удобно может проникать в самые отдалённые, в самые странные обыкновения и установления народные и может оные

¹³ «Слово о прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции», гов. июня 30-го 1768 г.; «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» гов. апреля 22-го 1770 г.; «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются», говорено апреля 22-го 1772 г.; «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведённое быть кажется последовавшими народами просвещёнейшими», гов. июня 30-го 1775 г.; «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах», гов. апреля 22-го 1778 г.; «Слово на день тезоименитства императрицы Екатерины II», ноября 28-го 1775 г.; «Слово на торжество о бракосочетании великого князя Павла Петровича, с великой княгиней Натальей Алексеевной», произнесённое октября 15-го 1776 г.; «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства», читанное апреля 21 дня 1781 года. — «Речи» Десницкого напечатаны в изданных Обществом любителей российской словесности «Речах, произнесённых в торжественных собраниях Московского университета». Томы 1—4. М. 1819—1823. Им переведены: Томас Бауден. Наставник Земледельческий, или краткое аглинское земледельства показание, М. 1780, и Блекстон. Истолкования аглинских законов, тт. I—III. М. 1780—1782.

со сношением с своими (по сравнению со своими учреждениями. — М. З.) исследовать по различному народов состоянию и по природе всего рода человеческого¹⁴.

Широта методологического охвата проблемы Десницким была отмечена ещё в 50-х годах прошлого века казанским юристом Станиславовым, указавшим, что в этом отношении Десницкий опередил западноевропейскую науку, которая в то время и не думала о возможности комбинирования исторического, философского и догматического методов в изучении права. Глубокий интерес представляют и приёмы применения этих методов исследования, которые мы встречаем у Десницкого. Он чужд метафизическим построениям естественного права (в собственном смысле слова). «Надобные науки» для изучения юриспруденции, говорил Десницкий, «нравоучительная философия, натуральная юриспруденция, положительная юриспруденция, римская и российская»¹⁵. Но в термины, очень распространённые в то время в юридической литературе, Десницкий вкладывал новое содержание и решал вопрос о задачах юриспруденции не отмечённо, рационалистическими методами, а методом историческим и правильно построенной индукцией. Это был русский самородок. Он шёл своей дорогой. В глазовском университете он прослушал у Адама Смита курс нравственной философии (охватывавшей в то время и этику, и политику, и элементы политической экономии), но его учение о праве развивалось независимо от философского рационализма Адама Смита.

Уже в области изучения этики — «нравоучительной философии» — Десницкий выступал материалистом. Его отношение к идеализму прекрасно характеризуется отзывом о Платоне: «Светило древнего мира, знаменитый Платон, является рассказчиком побасёнок и небывальщин сравнительно с Ньютоном, обогатившим науку действительными и великими открытиями»¹⁶.

Исходя из понятия «сочувственного опыта», или «симпатии», «растопиримства действий человеческих», он устранял предел государственного принуждения. Он различал справедливость «воздаятельную» и «исполнительную». Требования воздаятельной справедливости не охраняются санкцией: они — «взаимные должности» (обязанности) людей, их выполнение «заслуживает только похвалы от бога и человека». «Сия добродетель сама от себя награждается», она требует только того, что «каждому по лютости и человечеству должно отдать».

Выполнение этих моральных требований несовместимо с государственным принуждением (кроме исключительных случаев). «Насильное принуждение людей к добродетель-

¹⁴ «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества». «Речи». Т. IV, стр. 305, 306. 1775.

¹⁵ «Слово о прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции». «Речи». Т. I, стр. 232.

¹⁶ Цит. по Сухомякину в М. История Российской академии. Вып. V, стр. 5. СПб. 1881.

ним взаимным должностям» влечёт за собой «великие непорядки и худшие следствия». «Инквизиция в Европе многих подвергла страданиям, но спасла немногих». В этой области нормы права «больше должны приспосабливаться к сердцам человеческим, а не сердца к ним».

Напротив, «исполнительная» справедливость осуществляется принудительными мерами. По правилу исполнителю справедливости, «что собственно моё, то больше уже ничьё, — и я могу требовать оное от целого света». Требования этой «справедливости» обеспечиваются «по всей строгости прав» «достойными истязаниями» (наказаниями.— М. З.). Впрочем, наказание не должно выходить за пределы воздаяния. Только в этих границах наказание оправдывается «современным опытом» граждан, ссужающих преступника, и угрызениями совести этого последнего, возникающими на той же почве. Нарушение этой меры даёт обратные результаты.

Но такое чисто формальное решение вопроса о должном не удовлетворяло Десницкого. Он доказывал, что содержание моральных предписаний и норм естественного права определяется историческим процессом развития государства. «Иравочительная философия, натуральная юриспруденция», показывающие нам, в чём состоит «свойственность наших рассуждений о праве и морали», во многом основываются на изучении того, «что праведным и неправедным, добрым и худым почитается у разных народов». Но этого знания недостаточно: оно слишком отвлечённо, необходимо изучение закона в действии — «разных решений судебных, случающихся в разных правлениях».

Но и на этом Десницкий не останавливался. Он предъявлял к историческому методу большие требования. По его мнению, исторический метод должен быть выяснителен («ясно приметить») «начало возвышения и совершенства правления», т. е. руководящий принцип развития, направление, по которому должно развиваться государство. Однако как раз в этом отношении исторический метод беспомощен. Решение поставленной проблемы по силам только диалектическому методу в той постановке его, которую дало учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Десницкий искал выхода в системе римского права, которую считал идеальной и которую ставил во главу юриспруденции. Свою теорию права Десницкий строил чисто индуктивным путём. Нужно ли говорить, что эта постановка изучения резко противоречила преобладавшему в то время в науке направлению, в частности, в Московском университете, где в эту эпоху задавала тон туманная философия Вольфа и Пуффендорфа. Иронизируя над немецкими философами и юристами того времени, которые «теряют время, трудящиеся в таких от чуждств человеческих удалённых изобретениях», Десницкий сравнивает их с пустой бочкой, которая делает много шума. Он иронически утверждал, что эти философы и юристы всегда готовы избести квадратурю круга и перпетуум мобиле. С насмешкой Десницкий говорил о принятых германской наукой принципах естественного права, ко-

торые «изысканы больше для меридиана немецкого, нежели к делу в судах». Полемизируя с Пуффендорфом, Десницкий резко противопоставлял естественному праву исторический метод исследования. «Пуффендорфов труд,— говорил он о книге Пуффендорфа «Об обязанностях гражданина и человека», — подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу»¹⁷.

За 50 лет до появления памфлета Савиньи¹⁸ и за три четверти века до работы Рощера¹⁹ Десницкий совершенно ясно показал важность исторического подхода к изучению вопросов права. Десницкий не только рекомендовал изучать право сравнительным методом, но и сам, поскольку позволяла наука того времени, блестяще его применил. «Натуральная юриспруденция» — естественное право — для него была просто теорией права, основанной на историко-сравнительном изучении правовых институтов, на анализе и обобщении действующих законодательств. Именно в этом разрезе он и строил систему «натуральной юриспруденции».

Десницкий разделяет «натуральную юриспруденцию» на четыре части, из которых первая трактует «о происшествии правления в разные века и у разных народов», т. е. даёт историческую основу происхождения государства; вторая говорит о «правах, происходящих в обществе от различного состояния людей», т. е. о государственном и административном праве в собственном смысле этого слова; третья посвящена «правам, происходящим от различных и взаимных дел между обывателями» (в эту категорию Десницкий включал нормы уголовного и гражданского права), и наконец, четвертая изучает «полицию или благоустройство гражданское».

По вопросу о происхождении государства Десницкий стоял на той точке зрения, что происхождение «самых правлений государственных» соединено с происхождением собственности. «От сего начала происходило во всех первоначальных государствах феодальное правление», разложение которого привело к созданию европейских государств его времени²⁰. Как видно из сказанного, Дес-

¹⁷ «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», «Речи». Т. I, стр. 234, 238.

¹⁸ Savigny. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung. 1814.

¹⁹ Roscher. Grundriss zur Vorlesungen über die Wissenschaft nach geschichtlicher Methode. 1843.

²⁰ «От введения собственности в земле родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиновничества, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междуособными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские». («Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют наро-

ницкий не только искал исторические корни происхождения власти, но и видел зависимость её от эволюции собственности, которая, в свою очередь, как он подчёркивал, подчинена законам общественного развития.

Он намечал четыре периода эволюции человечества: период дикости, пастушеский, земледельческий и торговый. По его мнению, эти периоды закономерно развивались один из другого и каждому соответствовала особая система права собственности. Первичная стадия развития общества в его представлении близка к стадии первобытного коммунизма: «Когда у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами, самозарождающимися на земле, не имеется в вещах раздельного владения, то им и различные того, что твое и мое, весьма мало вразумительно»²¹.

У пастушеских народов появляется право собственности, но только в форме права владения: «У всех первоначальных народов, имеющих во владении одни только движимые вещи, право собственности примечается совсем не раздельное с владением»²².

Право земельной собственности зарождается лишь в «хлебопашественном» состоянии: «Когда человек приложит довольно трудов к обработке особой части земли тогда лишит его она всяко будет всякому делом бесчеловечным и несносным»²³. Оно получает законченную («совершеннейшую») форму в «коммерческом» состоянии.

Таким образом, Десницкий сумел поставить в связь эволюцию права собственности с экономической эволюцией.

Тот же метод он использовал и при анализе истории семейного права²⁴. Причиной возникновения института брака Десницкий, правда, в примитивной форме, считал экономическую эволюцию: «В основе её не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза».

Десницкий не находит в первоначальном состоянии народов никакого порядочного супружества и даже имени оно. Смещение у них обоего пола невозбранно есть вместо супружества»²⁵. Первоначальная форма брака в виде многожёнства появляется с возникновением скотоводства. В доказательство этого Десницкий ссылался, между прочим, на живших в России татар и калмыков²⁶. С установлением оседлости и с развитием хлебопашества многожёнство заменилось единобрачием. С установлением же «высочайшего состояния коммерческого» «женский пол не токмо уравнен мужеско-

му, но в некоторых случаях и предпочтён оному»²⁷.

Главной основой власти на всём протяжении истории Десницкий признавал «богатство», и не только у варварских народов, но и в нынешних «народных правлениях», где «также посредством превосходного богатства правительствующие удерживают своё достоинство, величество и власть, соединённые с уважением и всеподданейшим повиновением».

Государственная организация, считал Десницкий, не может держаться на прямом насилии. «Варварские герои Аттила, Чингизхан и Тамерлан со своими гуннами и татарами внезапно ужасные завоевания сделали. Тогда при нападении толикого варварства на варварство Европе представлялось, что сих народов оружием, как всемирным потоком, премногие государства поглощены и покрыты были; однако их победы и завоевания кончились во всём не иначе, как ветреная буря, которая, востав от Востока и с ужасным стремлением прошёл до Запада, обратно на Восток шумом возвратилась, оставляя за собой только одни следы своего свирепства в государствах, чрез которые проходила».

Десницкий видел источник могущества России в развитии экономики: он упрекал Вольтера в том, что последний, отметив значение Полтавской битвы для роста мощи России, ограничился только констатацией этого факта, а не указал основной причины его — экономического развития России²⁸.

С. Е. Десницкий был горячим патриотом: «Во многих своих предприятиях Росс имел непреоборимые и внутри и вне отечества препятствия, которые подвергали жизнь его и правление разным переменам и крайнему опасению. Частые перемены и великие затруднения уменьшали в нём одну только силу, а не разум, довольный к изысканию средств для отвращения общего злослучия. Ибо, хотя он иногда, препобеждённый большей силою, и не единожды на подобие римлянина страшных Ганнибалов у себя во вратах видеть имел несчастье, однако и обуреваемый такими напастьми и воздыхая под игом работы чужия, имел своих Циционов и поборников великих, под которых предводительством он, аки некий исполин, проходя сквозь горы, огонь и воду, наконец простёр свои завоевания до таких границ, к которым и смертных род ещё приблизиться не смел»²⁹.

В соответствии с этим положением, проникнутым чувством национальной гордости, Десницкий ещё в своей первой лекции по возвращении в Россию ставил вопрос: «И думал ли из древних кто, чтоб славянин, с начала своего немногочисленный и неизвестный почти и в последующие времена, мог сделаться когда обладателем толиких

ды о собственности имения в различных состояниях общежития». Читано апреля 21 дня 1781 года. «Речи». Т. IV, стр. 396)

²¹ Там же, стр. 381.

²² Там же, стр. 382—383.

²³ Там же, стр. 392.

²⁴ «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества...» «Речи». Т. IV, стр. 292—324.

²⁵ Там же, стр. 308.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 314 и 319.

²⁸ «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции». «Речи». Т. I, стр. 218, 219, примечание.

²⁹ Там же, стр. 214.

стран и законопосложником толь многочисленных народов?»³⁰.

Мысль о значении экономического фактора в процессе исторического развития Десницкий обосновывал указанием на значение торгового капитала для развития международных связей и международного права. Этому доказательством неоспоримым есть целая Европа, в которой ныне совсем невозможно победителю овладеть целым государством или разорить оное в конце, ибо прочие державы, будучи в взаимном между собою купечестве (связанные торговыми отношениями. — М. З.), и прежде объявляя войны встают против začínающего». То же было и в прежние времена. Правовые формы, в которых организуется борьба против насильника, — только надстройка над экономическими отношениями. «Взаимный союз между державами», «междоусобные» (международные. — М. З.) трактаты — только последствия экономических связей, возникших в результате развития торговых отношений. «Для чего учреждается между нынешними державами такой взаимный союз и откуда ведут своё начало самые междоусобные трактаты?» — ставит он вопрос и отвечает: «Купечество (торговые отношения. — М. З.) было их началом, и для купечества по большей части оные ныне учреждаются»³¹.

Десницкий ставил вопрос, каким путём привилегированное меньшинство подчинило себе большинство населения: «Каким образом немногие числом персоны превысили прочих всех и приняли преимущество и власть над многими? Каким образом другие премногие склонились уступить свою природную вольность и поддаться власти и повелению немногих?»³². Он был далёк от мысли искать ответа на этот вопрос в «общественном договоре» — хочешь объяснения происхождения государства в XVIII веке. Он видел причину господства меньшинства над большинством в первобытном строе главным образом в индивидуальных качествах отдельных лиц — в физической «дебелости и крепости тела необыкновенной» и в моральных — «в их предвидении, хитрости и прозорливости», а главное — в развитом экономическом строе — в праве собственности, «в превосходном богатстве», принадлежащем господствующему меньшинству³³.

Можно сказать, что Десницкий делал попытки преодолеть идеалистические концепции о развитии общества, и в этом отношении он был первым в русской юриспруденции.

С. Е. Десницкий первый переработал нормы русского законодательства в правовые определения — юридические конструкции — и дал стройную систему русского права, особенно государственного и административно-

го. Но каждое отвлечённое юридическое построение, каждая правовая конструкция скрывает в себе политическую идею или экономический принцип, которым эта конструкция даёт только внешнее, формальное выражение. В юридических конструкциях Десницкого нашли своё отражение условия экономической жизни России середины XVIII в. — процесс начинавшегося разложения феодализма и зарождения в его недрах нового — буржуазного — строя.

Основой системы государственного права, образовавшей второй раздел «натуральной юриспруденции», Десницкий считал личные права граждан. Уже здесь он противопоставлял «природные» права граждан — право пользоваться беспрепятственно своей жизнью, здоровьем, честью и собственностью (в более развёрнутом виде через 50 лет эти права получили наименование «Прав человека и гражданина») — правам «приобретённым», точнее, связанным с сословным и экономическим строем России того времени (дворяне, разночинцы, слуги, господа и пр.). Таким образом, «от персон делается первое разделение прав на права, происходящие от различного состояния людей в государствах»³⁴.

Десницкий дал здесь построение, аналогичное тому, которое сто лет спустя легло в основу теории публичных прав Еллинека. Последний также исходил из допущения прав непосредственно связанных с личностью — «безобъектных» состояний.

Различие в личных правах (правоспособность) Десницкий положил в основу классификации не только отдельных сословных групп, но и русских государственных учреждений. Эти последние он разбил на различные категории: публичные персоны в собственном смысле, политические корпорации, корпорации, преследующие специальные цели («персоны, составляющие корпус на особенных учреждениях»).

Так создалась единая система государственного права, в некоторых отношениях превосхитившая системы, созданные позднейшей юриспруденцией.

Посмотрим теперь, как применял Десницкий свои общие положения к русскому законодательству. В группу «публичных персон» он отнёс монарха и органы «совершительной и исполнительной власти»: сенат, синод и коллегии военную, адмиралтейскую и иностранных дел. Государство Десницкий не признавал юридическим лицом, это и не удивительно: в самодержавной России государство было объектом власти монарха, а не субъектом права. Всё же монарха он относил к категории «публичных лиц», рассматривая его, очевидно, как орган публичной власти. Нельзя не отметить, что самая трактовка императорской власти как учреждения, подлежащего юридическому изучению, представляет собой шаг вперёд по сравнению с господствовавшей тогда в

³⁰ Там же, стр. 213.

³¹ Там же, стр. 219, примечание.

³² Там же, стр. 247.

³³ Там же, стр. 248—255.

³⁴ Подробно учение Десницкого о личных правах развито в его комментариях к переводу Блэкстона. Истолкования английских законов. Т. I—III. М. 1780—1782.

России точкой зрения, согласно которой глава государства представлялся наместником бога на земле, стоящим над правом.

Органам законодательства и управления — «публичным лицам» — Десницкий противопоставлял корпорации — «корпуса», преследующие специальные цели и обладающие известной автономией (университет, Академия наук, Академия художеств, коллегия медицинская, кадетские корпуса) и, наконец, «политические» корпуса. К последним он относил традиционные сословные организации мещан и купцов, получившие некоторые зачатки «самоуправления» при Петре I, и только складывавшиеся в его время группы поставщиков и «кумпанейщиков» (члены компанейских обществ, занимавшихся под контролем государства торговлей и производством и, таким образом, находившихся в особых экономических отношениях с государством). В эту же группу он отнёс и откупщиков, занимавших в России особое юридическое положение: сохраняя экономическую самостоятельность, они числились на государственной службе («поверенные служители») и даже имели некоторые полицейско-административные полномочия (право содержать в пределах своих откупов полицейскую стражу и смотрителей на винокурных заводах).

Включая эти группы (поставщиков, компанейщиков и откупщиков) в «политические» корпуса, Десницкий как бы создавал правовые формы для организации и деятельности нарождавшейся в его время русской буржуазии — «купечества».

Построения Десницкого очень лаконичны и лапидарны и оставляют его мысль незаключенной. Тем не менее он шёл правильным путём. Правда, терминология его неточна. Нельзя учреждения — органы государственной власти — рассматривать как юридические лица, хотя бы публичного права, и ставить их на одну плоскость с «корпорациями»: они — органы государства. Но, во всяком случае, он первый пошёл по тому пути, по которому позднее пошла юриспруденция.

В третью часть «натуральной юриспруденции» Десницкий ввёл гражданское и уголовное право и при этом добавил, что изучение права должно вестись исторически. Здесь же должно быть отведено место изучению судебного процесса.

Последний, четвёртый, раздел своей системы Десницкий отвёл нормам, регулирующим внутреннее управление. В этой части, называемой «Полиция», «должно показывать всё то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних волнений и к зашити от неприятельских нападений»³⁵. Термин «внутреннее управление» понимается Десницким чрезвычайно широко. Согласно его учению, оно охватывает не только внутреннее управление в собственном смысле слова (включая сюда и военное), но и

международное и финансовое. Впрочем, этот раздел меньше всего разработан у Десницкого.

О задачах управления в области культурной он говорил лишь вскользь. Напротив, в области регулирования экономической жизни он ставил перед полицией широкие задачи: «Введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надёжное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества» и «приведение хлебопашества в совершенство, понеже земля как недвижимое имение почитается всегда во всех государствах за надёжнейшее сокровище»³⁶. Такова начертанная Десницким программа науки внутреннего управления, в будущем науки «политического права». Тут он всего ярче выступал как идеолог нового класса. Он ратовал за поощрение промышленности и торговли, за правильную организацию финансов, за всё то, что было так важно для становившейся на ноги русской буржуазии.

Десницкий имел возможность дать практическое применение своим теоретическим воззрениям. В феврале 1768 г., на следующий год после начала деятельности в Москве Комиссии по уложению, он приготовил для Екатерины II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи»³⁷. К «представлению» Десницкого дано четыре приложения, предположительно — только предположительно — принадлежащие тоже перу Десницкого³⁸.

Десницкий критически относился к получившей известность в середине XVIII в. теории разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную). Он

³⁶ Там же.

³⁷ «Записки Императорской академии наук». Т. VII. № 4, стр. 1—45. СПб. 1905. Доложено в заседании историко-филологического отделения 14 апреля 1904 года. Сообщил Александр Успенский. Это сочинение Десницкого, хронологически первое, относится к 1768 году.

³⁸ Содержание тетрадей: первой (15 стр.): «Управление духовное; лица духовные, их должности; их преимуществ, училища духовные; благочиние храмов; о надзирании и власти духовной в рассуждении лиц гражданских; о преступлениях; о наказаниях духовных; содержание духовенства и храмов»; второй (8 стр.): «О нижнем роде; о первой части нижнего рода государственных жителей; о второй части нижнего рода государственных жителей, просто именуемых крестьянами; о учреждениях для крестьянства; о прекращении некоторых злоупотреблений в рассуждении крестьянства»; третьей (6 стр.): «О казаках и «войсковом роде государственных жителей»; четвёртой (12 стр.): «О управлении финансовом; о издержках государства; о доходах государства; на какие предлоги подати налагать; накладки на лица; накладки на имения; накладки на произрастения домашние, употребляемые народом; накладки на действия; как учинить подати легчайшими для народа; как уменьшить издержки при сборах; как сделать доходы верными; как доходами управлять».

³⁵ «Слово о прямом и ближайшем способе к научению русской юриспруденции». «Речи». Т. I. стр. 241.

считал, что она не охватывает всех функций государственной власти, и установил понятие четвёртой власти, «гражданской», которая обнимала учреждения местного самоуправления того времени.

Законодательную власть Десницкий вверял представительному органу — сенату, — при этом он очень осторожно сформулировал полномочия этого последнего: «С приказанием и по усмотрению монархов российских» сенат уполномачивается «делать указы вновь, старые исправлять, дополнять или уничтожать — так, как надобность и изволение монаршее потребует». Сенату предоставлялось право установления налогов, контроля над исполнением бюджета, право объявления войны и заключения мира. Вопрос о правах сената — будет ли он законодательным или законосовещательным учреждением, — Десницкий осторожно обходил, но самый перечень полномочий, вверявшихся Десницким сенату, указывает, что он его мыслил скорее как законодательное учреждение, ведавшее основными функциями государственного управления. Он имел мужество заявить, что «правительствующий сенат должен состоять из всей империи и должен присутствовать безотлучно при монархах завсегда»³⁹.

В соответствии со старыми русскими традициями сенат, по проекту Десницкого, получал функции верховного суда: «...чтоб в сенате российском и апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, своё конечное решение имели»⁴⁰.

Исполнительную («наказательную») власть он считал возможным «дозволить и поручить безопасно воеводам, в губерниях и знатнейших только провинциальных городах так, чтоб один воевода не зависел от другого, а зависели они все от самого монарха, который их должен назначать: «Один бы только доставлять их к такому месту самовластен был». Он предусматривал и некоторые гарантии против произвола воевод, проектируя организацию в главном губернском суде особого отделения в составе 12 человек, которые «должны при всяком суде публично спрашивать присутствующих людей, нет ли жалобы какой на воеводу кому и нет ли обиды кому от него». О жалобах и обидях судьи должны докладывать в сенат. Это первый в истории русского права проект подчинения администрации судебному контролю.

Как мы уже указывали, Десницкий проектировал четвёртую, «гражданскую» власть. «Сня власть, — говорил он, — поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть иметь можно дозволить гражданам, а более ещё купцам и художественным людям»⁴¹. Это представительство должно было в столицных городах состоять из 73, а в губернских и больших провинциальных — из 12 человек, избираемых на два года, но только из купцов и дворян.

Для социально-экономических и политических воззрений Десницкого — для его позиции идеолога молодой русской буржуазии — чрезвычайно характерна преобладающая роль, которую он отводил купечеству в проектируемых им органах гражданской власти: из 73 членов городского самоуправления в столицах на долю купцов приходится 55 мест, а на долю дворян — только 18, в губернских и провинциальных из 12 членов — купцов 7, а дворян — 5. Не менее характерно, что членами городского самоуправления как в столицах, так и в провинции должны, согласно его проекту, назначаться только купцы первой гильдии. Иначе говоря, гражданская власть, по мысли Десницкого, должна быть сосредоточена в руках крупной буржуазии. Правда, это «самоуправление» носит явно повинностный характер. Участие в нём представляется не столько правом, сколько обязанностью городских обывателей⁴²; но всё же совершенно очевидно, что Десницкий считает возможным доверить управление местными делами лишь верхушке городского общества.

Компетенция проектируемых Десницким органов «общественного управления» ограничивалась вопросами местного хозяйства (предводительственное дело, городское строительство, дорожное дело и местные финансы).

На исполнительные органы этой гражданской власти возлагалась обязанность рассматривать дела об административных нарушениях, но под контролем суда. Обиженные могли жаловаться на постановления этих органов «судительной власти».

Это построение местного управления Десницким также представляет первую попытку дать некоторое теоретическое обоснование русскому городскому «самоуправлению» и начертать общие контуры его организации⁴³.

⁴² «Когда принимающие на себя гражданскую власть будут обыватели городские, из которых иные от города питаются, иные в городе разживаются, того ради поочерёдно всякому обывателю служить при должности гражданской на своём содержании через два года не убыточно будет. А если кто из обывателей или из купцов будет отказываться служить при такой гражданской должности, такие не патриоты и не доброты, чтоб платили штрафу по двести пятьдесят рублей за ослушание и упрямство» («Представление», стр. 20, § 2).

⁴³ Мы не считаем себя вправе детально касаться вопросов, разобранных в приложениях к основной работе, так как нет уверенности, что Десницкий является их автором. Ю. В. Готье, повидимому, признавая авторство Десницкого, в работе, посвящённой специально истории русского областного управления, пишет: «Представление» проф. Десницкого... показывает, что едва ли не первый русский представитель науки публичного права... считал преобразование областного управления делом первостепенной важности» (Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II, стр. 210. М. 1941).

³⁹ «Представление», стр. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 19.

Мировоззрение Десницкого было противоречиво: в нём причудливо сочетались раблепное преклонение перед Екатериной II с ироническим отношением к Людовику XIV как носителю самодержавной власти, попытки теоретического обоснования самодержавия с искренним тяготением к конституционным формам правления. В рассуждении «О разных понятиях, какие имеют народы о собственности», посвящённом, по существу, обоснованию исторического метода при изучении права, Десницкий находил всё же место для прославления Екатерины II, именуя её «высочайшей и священной особой, защищённой самодержавными правами». Она «превыше патриархов и превыше всех соборов церкви Российские». Правда, и в этом Десницкий оставался «позитивистом». Он искал обоснование самодержавия не в высшей благодати, как это делали русские государствоведы в его время и много позднее, а, наоборот, он считал закон источником религиозной догмы, поскольку она сопрягается с политическими учреждениями. Так, в той же речи он прямо заявлял, что Пётр I, «оставя излишние словопрения, правлению церковному предписал регламент духовный, по которому монархи российские признаются в церкви имеющими духовную власть».

Итак, основываясь на положительном законодательстве, Десницкий пытался обосновать и утвердить самодержавную власть, не скрывая в то же время своих симпатий к представительному строю и даже пытаясь, как мы видели, ввести начало представительства в русский государственный строй, правда, в замаскированной форме.

Десницкий оставил глубокий след в истории русского права и как преподаватель университета. По его настоянию впервые языком преподавания в университете был установлен русский. Он первый добился учреждения кафедры русского законоискусства, разделения её на теоретическую и практическую и был первым преподавателем этого предмета. Он создал традиции преподавания русского законоискусства, которые сохранились в университетской жизни и после введения в действие устава 1835 г., когда эта наука была формально исключена из программы юридического факультета.

Десницкий страстно стремился к расширению программы юридического образования и ставил перед ним большие задачи. «Знание своего закона,— говорил он,— хотя посредственное, нужно всякому вообще для защищения себя в жизни и имени, для образования своих поступков с предписанными от правления всеобщими правилами и для познания взаимных в обществе обязательств, без которых исполнения общество устоять и люди жить спокойно не могут». Этот минимум «законопознания» Десницкий считал необходимым для людей «низшего» состояния⁴⁴, всё же обнаруживая гораздо больше веры в народ (и в этом отношении он стоял намного выше), чем его германский

современник Юсти, которого считают основоположником науки полицейского права и который утверждал, что «подлый народ мало имеет добродетели и столь же мало любви к отечеству, а об истинной чести не имеет ни малейшего понятия»⁴⁵. Но, разумеется, Десницкий — сын своего времени, и в его представлении наука сословна; к дворянину он предъявляет гораздо более высокие требования в области законопознания: «Дворянину нужна наука и в самом его домоводстве, и в том, что он в деревне своей сделал не только истом, но судей и ответчиком, и в отправлении должностей государственных». Так отразилась на мировоззрении Десницкого сословная организация русского общества его времени.

С. Е. Десницкий был крупной величиной отнюдь не только в национальном, но и европейском масштабе. Его оценили уже его современники: он был избран в члены Российской академии в числе лиц, провозглашённых на первом торжественном собрании в день открытия Академии (21 октября 1783 г.). А его ближайшие преемники, как московский юрист 30-х годов XIX в. Морозкин, считали его достойным «европейской славы», достойным занять место среди самых знаменитых юристов XVIII века.

Десницкий во многих областях опередил своих современников: он предвосхитил учебно-историческую школу; в учении о личных правах дал конструкцию, получившую признание в юриспруденции лишь через сто лет; в создании системы права, в учении о праве собственности предвосхитил построения крупнейших юристов более позднего времени.

Но, что всего важнее, Десницкий выработал основы системы права применительно к русскому законодательству.

И, наконец, Десницкий заложил основы науки истории русского права. Мы отмечали выше его «Рассуждения» по истории семьи и собственности. Напомним также, что, выразив желание принять участие в составлении предпринятого Российской академией «Словаря Академии русской» (1783 г.), Десницкий взял на себя выбор юридических терминов из важнейших памятников древней Руси: «Правды Русской», судебников и Уложения царя Алексея Михайловича⁴⁶, в чём отчётливо выразился его неизменный интерес к вопросам истории русского права. В этой области ему, несомненно, принадлежат приоритет, неосновательно приписывавшийся раньше дерптским профессорам первой трети XIX века Эверсу и Ренцу. Десницкий их опередил.

Однако Десницкий был, как уже указывалось выше, идеологом нарождающейся русской буржуазии, и его юридические кон-

⁴⁴ Justi. Die Natur und das Wesen der Staaten als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Polizei und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller gesetze abgehandelt. S. 248. Berlin. 1760.

⁴⁶ Сухомлинов М. Указ. соч. Вып. V, стр. 8.

⁴⁴ «Рени». Т. IV, стр. 346.

струкции призваны были служить её интересам.

Роль Десницкого в истории русской юридической мысли и истории университетского юридического образования очень велика. Он по заслугам провозглашён последующими поколениями русских юристов «отцом русской юриспруденции», но при оценке его деятельности нужно помнить, что как на его теоретических построениях, так и на его практической деятельности (в Комиссии об уложении) лежит печать классовой ограниченности: он не мог подняться выше воззрений, отвечающих интересам класса, к которому он принадлежал и грядущий приход к власти которого он предвещал и приветствовал.

Классовая ограниченность и заинтересованность Десницкого выступают особенно рельефно при сопоставлении его взглядов с мировоззрением первого русского революционного демократа А. Н. Радищева. А ведь это был современник Десницкого, как и Н. И. Новиков. Они работали в одну и ту же эпоху, в одних и тех же тяжких условиях самодержавного режима, но как велика разница в их идеологических позициях! При оценке Десницкого нельзя об этом забывать: отдавая должное его уму и многосторонности, признавая его крупные заслуги в создании русской юриспруденции, учитывая и особо отмечая, что он шёл своим, самостоятельным путём и в ряде вопросов опередил современную ему юридическую науку, необходимо иметь в виду, что это был выразитель идеологии эксплуатирующих классов, что наложило вполне определённый отпечаток на его теоретическую и практическую деятельность.

С этой точки зрения к оценке Десницкого не могли подходить дореволюционные авторы⁴⁷: некоторые (Новиков, Болховитинов, Калмыков, Шевырев, Баршев) дали лишь краткие биографические сведения, а юристы

XIX в. (например, Морозкин, Коркунов, Сухомлинов), носители дворянско-буржуазной идеологии, стояли на идеалистической позиции и не могли дать правильного анализа классовой сущности мировоззрения Десницкого.

В советской литературе специально Десницкому посвящены две работы: упомянутая выше статья Б. И. Сыромятникова⁴⁸ и статья С. А. Покровского⁴⁹. Покойный проф. Сыромятников соответственно поставленной им себе задаче подробно останавливается на характеристике историко-правовой концепции Десницкого и лишь в заключение даёт общий отзыв о социально-политических воззрениях последнего. Он пишет: «Автор (Десницкий. — М. З.) стоит на буржуазных позициях, которые вместе с тем соответствуют той стадии зарождающейся в русском государстве буржуазии, которая в сознании своей слабости ищет своей опоры в абсолютной монархии «просвещённого абсолютизма»⁵⁰.

Сыромятников характеризует занятую Десницким позицию как прогрессивную. Если общий вывод цитируемого автора относительно классовой сущности миросозерцания Десницкого правилен, то о прогрессивном характере его воззрений можно говорить лишь с определённой оговоркой: Десницкий — идеолог восходящего класса, и с этой точки зрения его взгляды объективно следовало признать прогрессивными, но необходимо тут же подчеркнуть, что он был далёк от защиты интересов и прав народных масс, а между тем, как указано выше, провозвестники идей русской революционной демократии, в лице Радищева, уже выступили на историческую арену.

С. А. Покровский мало останавливается на философском миросозерцании Десницкого и его социальных корнях, опираясь в этом вопросе на исследование Б. И. Сыромятникова, но он высоко оценивает исторические исследования Десницкого, специально подчёркивая, что Десницкий указывал на исторический характер происхождения семьи и её связь с развитием института собственности за сто лет до Бахувена и Моргана⁵¹. Покровский фиксирует своё внимание на анализе «Представления» и приходит к выводу, что Десницкий был «представителем раннего буржуазного либерализма с его опасениями народной инициативы и революции, с его упованием на реформы сверху»⁵².

Построение Покровского страдает схематизмом. В такой категорической форме нельзя говорить об идеологе русской буржуазии XVIII века. К этому времени она ещё не успела дифференцироваться в особый класс,

⁴⁸ Сыромятников Б. Указ. соч., стр. 33—40.

⁴⁹ Покровский С. Учение С. Е. Десницкого об обществе и государстве. «Труды Государственного воронежского университета». Т. XIV. Вып. 2-й, стр. 78—101. 1947.

⁵⁰ Сыромятников Б. Указ. ст., стр. 39.

⁵¹ Покровский С. Указ. ст., стр. 83.

⁵² Там же, стр. 98.

⁴⁷ Новиков Н. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб. 1867; статья «Коллежский асессор — профессор римских и российских прав, С. Е. Десницкий» в сб. «Речи, произн. в торж. собраниях Московского университета». Т. I, стр. 209—212. М. 1819. Болховитинов Е. Словарь русских светских писателей. Т. I. М. 1838; Морозкин. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. «Учёные записки Московского университета». Ч. III, № 8. 1834; Шевырев С. История Московского университета. 1855; статья Баршева в «Биографическом словаре профессоров Московского университета», под редакцией С. Шевырева, ч. I. 1855; Смирнов С. Указ. соч.; Сухомлинов М. Указ. соч.; Коркунов Н. Указ. соч., стр. 329 сл.; его же. Первый русский профессор права. «Журнал министерства юстиции», т. X, 1893; его же статья в «Новом энциклопедическом словаре», т. XVI; Калмыков. Статья в «Русском биографическом словаре», стр. 331—335. 1905; Семейский В. Статья в энциклопедическом словаре Гранат, т. XVIII.

с вполне оформившимися политическими требованиями. Это были ещё не требования, а скорее стремления, недостаточно чётко осознанные. И С. Е. Десницкий, несомненно, выразитель чаяний и стремлений этого, ещё только складывающегося, формирующегося класса, как бы только нащупывает

почву, и его мировоззрение носит несколько расплывчатый характер. Это ещё не буржуазный либерализм в законченном виде, каким он и не мог быть на данной стадии экономического развития России, а лишь либерализм с нечёткими тенденциями гуманистического характера.